Антропология наводнения: слухи и страхи в Тулуне

Дарья Александровна Радченко [1], [2]

✉ darradchenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9298-7783

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
[2] Центр городской антропологии КБ Стрелка, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Радченко, Д. А. (2020). Антропология наводнения: слухи и страхи в Тулуне. *Фольклор и антропология города*, *III*(1–2), 132–145. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-132-145.

На материале слухов о наводнении в Тулуне 2019 года, распространявшихся в локальных социальных медиа, мы исследуем стратегии «мирования» (worlding) жителей города, тесно связанного с рекой. Тревожность и слухи вызвал не только сам по себе ущерб от наводнения, а беспрецедентно высокий уровень воды, который сделал предыдущий богатый опыт выживания в паводок бесполезным и создал ощущение бесконтрольности ситуации. Сочетание запроса на контроль и недоверия к администрации активизировало кризисную коммуникацию в соцмедиа. Эти слухи в основном противопоставляют официальной версии о сугубо природном катаклизме представления о человеческом факторе катастрофы, при этом помещая пострадавший город в более широкий «гидросоциальный» контекст экологии и экономики региона (а точнее, бассейна реки Ии). Мы показываем, что в отношениях между городом, людьми и не-человеческими акторами этой структуры в представлении жителей существует некоторый баланс, нарушение которого приводит к катастрофе. Именно поэтому в объяснительную модель катастрофы, развиваемую жителями в онлайн-коммуникации, своя роль отводится и людям, и активному контрагенту — реке.

Ключевые слова: слухи, фольклор катастроф, цифровая этнография, антропология воды, наводнение

Anthropology of a flood: Rumors and fears in Tulun

Daria A. Radchenko [1], [2]

✉ darradchenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9298-7783

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2] Centre for Urban Anthropology, Strelka KB, Moscow, Russia

To cite this article:
Radchenko, D. (2020). Anthropology of a flood: Rumors and fears in Tulun. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(1–2), 132–145. (In Russian). DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-132-145.

The study dwells on worlding strategies of townspeople from a town closely connected with a river as exemplified by rumors of the 2019 flood in Tulun. Anxiety and rumors were caused not only by the damage suffered because of the flood but also by the unprecedented water-level that rendered previous experience of surviving highwater useless and made the situation seem uncontrollable. The demand for control and mistrust of local government, combined, energized crisis communication on social media. These rumors mostly counter the official version of a purely natural disaster with ideas of of a human cause of the catastro-

phe, while placing the town into a wider "hydrosocial" context of ecology and economy of the region (namely, the basin of the river Iya). The author demonstrates that the relationship between the town, the people and the non-human actors within that structure is perceived by the locals as somewhat balanced, and upsetting that balance leads to a catastrophe. Therefore, the explanatory model of the catastrophe that the locals develop in online communication provides a role both for the people and for the river as an active counteragent.

Keywords: rumors, disaster folklore, digital ethnography, anthropology of water, flood

Город Тулун Иркутской области с населением порядка 40 000 человек прогремел в новостях летом 2019 года, когда в нем произошло наводнение, разрушившее 887 домов. Это одно из самых серьезных происшествий в истории города, затронувшее жизни тысяч людей: не только непосредственно пострадавших семей, но и владельцев закрытых торговых точек, родителей детей из перенесенных в результате наводнения школ, пользователей отмененных маршрутов общественного транспорта и т. д. По сути, наводнение 2019 года изменило жизнь практически всего города.

Неудивительно, что и во время и после наводнения одной из наиболее активных площадок для обсуждения происходящего оказались социальные медиа (см. [Dufty 2012]). Непосредственно во время бедствия они становятся средством «гражданской журналистики» [Bruns, Burgess 2014], позволяющим пользователям оперативно информировать друг друга о происходящем на местах. Именно это можно было наблюдать во время наводнения в Тулуне: каждый пост администрации об уровне воды сопровождался обсуждением того, какие районы, дороги и социально значимые объекты (транспортные узлы, магазины, школы и т. д.) затоплены, фотографиями текущей ситуации, сделанными с высоких мест города, с лодок, балконов домов (ср. [Liu et al. 2008]), сообщениями о том, где и как можно разместиться, получить воду или материальную помощь. Когда вода ушла, изменилось содержание текстов, но не модель поведения в соцмедиа: вскоре после первого пика паводка пользователи стали активно обсуждать причины произошедшего, эффективность спасательных работ, принципы компенсации ущерба (ср. [Kim 2014]).

Как и во многих аналогичных случаях, значимость происходящего и личная эмоциональная вовлеченность участников коммуникации в сочетании с дефицитом информации и неуверенностью в происходящем (см. [Rosnow 1991]) привела к формированию целой серии слухов о катастрофе — ее причинах, последствиях, мерах, принимаемых для выхода из кризиса.

Само понятие слуха, впрочем, является проблемным. Как отмечает Дмитрий Громов в статье о пожарах 2010 года, сложностью при сборе материала стала «неразличимость границы между реальными объяснениями происходящего и мифологизированными толкованиями» [Громов 2012: 287]. Именно поэтому в нашу задачу не будет входить различение достоверности/недостоверности тех или иных суждений и представлений пользователей: под слухом мы будем понимать заведомо неверифицируемую на момент возникновения информацию, распространяющуюся в горизонтальной (peer-to-peer) коммуникации. Как замечали исследователи связанной с катастрофами коммуникации, пользователи соцмедиа могут не только распространять слухи, но и оспаривать их ([Sutton 2010], [Zhao 2016]). Действительно, разговаривая о катастрофе, тулунцы использовали слово «слух» оценочно, подразумевая, что «слух» — всегда ложная информация, и самим использованием призывая его развенчать.

[Аноним:] Слухи ходят, что будет вторая волна и больше первой. Так те кого затопило по первые этажи, и оставались в многоэтажках, собрали бы вещи успели вывезти[1].

[Жен. 1:] Второй волны не будет эту информацию давно опровергли[2].

Как определяют Аллан Киммель и Роберт Кифер, распространение слухов — это результат сочетания когнитивного и аффективного дискомфорта (происходящее вызывает тревогу, но человек не понимает, что или почему происходит), и в этом качестве слухи — способ снять напряжение, хотя бы временно [Kimmel, Keefer 1991: 1611]. Основываясь на типологии конвергентного поведения в соцмедиа во время катастрофы [Hughes et al 2008], можно сказать, что «помогающее» поведение вытесняется «тревожным». Встает вопрос — какие именно тревоги эксплицируют слухи о катастрофе?

Здесь следует заметить, что наводнение 2019 года было далеко не первым в истории Тулуна. Расположенный на излучине реки Ия[3], город периодически страдает от паводков, в основном связанных с дождями и заторами речного русла в горном течении. Бедствия такого рода происходили в нем в 1937 году (уровень воды превысил безопасный порог на 1,5 метра), 1980 (превышение на 2,74 м), 1984 (4,7 м), 2006 (1,81 м), но в 2019 году произошло самое разрушительное наводнение за последние десятилетия (превышение 6,89 м). Опасность наводнений характерна для всего региона в целом. С одной стороны, многие реки (и в том числе Ия) берут начало в горах, и при таянии снегов, схождении ледяных заторов и зажоров происходит переполнение речного русла; с другой, из-за вечной мерзлоты дождевая вода или вода от таяния снега плохо поглощается почвой [Kichigina 2020], в результате чего разлив рек долго не уходит, в низинах легко образуются подболоченные участки, а фундаменты многих домов размывают грунтовые воды. Таким образом, у Тулуна длительные и сложные отношения с водой во всех ее физических состояниях — она и пропитывает почву, на которой стоит город, и не уходит из памяти его жителей. Поэтому нужно учитывать, что слухи в связи с наводнениями во многом опираются на предыдущий опыт жителей — сама река оказывается носителем памяти [Lyons 2018].

Задачи и методология исследования

Нас будут интересовать не характер страхов, непосредственно продуцирующих слухи — в случае с катастрофой такого рода они довольно очевидны, не динамика их распространения и не создание указателя слухов, связанных с конкретной катастрофой (хотя обзор основных сюжетов, конечно, будет сделан). В рамках этого небольшого очерка мы сфокусируемся на том, как авторы сообщений в социальных медиа обсуждают причины катастрофы, в том числе, в слухах. Наша задача — поиск объяснительных моделей, которые стоят за всеми конкурирующими представлениями о причинах тулунского наводнения. Иными словами, мы надеемся, что изучение слухов о катастрофе сможет рассказать о стратегиях «мирования» (worlding) жителей города — того, как они при помощи тех или иных когнитивных схем собирают в единую онтологию наблюдаемые свойства

[1] Здесь и далее в цитатах из соцмедиа сохраняется орфография и пунктуация оригинала. https://vk.com/wall-75510591_576763

[2] https://vk.com/wall-75510591_576763?reply=576772

[3] Само слово «тулун» обозначает [кожаный] мешок — расположенный в излучине Ии на карте город напоминает очертаниями именно этот предмет.

одних объектов окружающей среды, игнорируя при этом другие [Descola 2014]. Такой подход позволит наметить, как в условиях конкретного города, существенная часть которого периодически оказывается под водой — и иногда с катастрофическими последствиями — люди выстраивают отношения между человеческими и нечеловеческими акторами, обсудить «миросоздающие проекты в текучей среде» [Hastrup, Hastrup 2015: 2].

Антропология воды — относительно молодое направление исследований, представители которого обсуждают множественность культурных явлений, связанных с водой, в разных масштабах — от молекулярного до планетарного. Она следует метафорике, заданной самим объектом исследования: во-первых, границы между природой и культурой, водой и не-водой понимаются как социально сконструированные, а следовательно — условные, проницаемые, подвижные, размытые. Во-вторых, культурные явления и отношения между водой и людьми или между людьми и не-человеческими акторами в контексте взаимодействия с водой понимаются как текучие, подвижные, постоянно находящиеся в циркуляции [Ballestero 2019]. Как замечает Стефан Хелмрейх, вода в принципе оказывается важной «теоретической машиной» в поиске метафор для человеческого общества [Helmreich 2011].

Джейми Литтон и Джессика Бадс ввели термин «гидросоциального цикла» для описания процесса, в котором вода и социальные отношения постоянно создают и пересоздают друг друга [Litton, Budds 2014]. Не случайно крупное направление антропологии воды связано с изучением рек в контексте городской социальности. Так, Мэтью Ганди на материале крупных городов мира (от Мумбаи до Лос-Анджелеса) обсуждает, как вода — в реках, в водопроводе, в водостоке — оказывается одновременно и субъектом, и объектом модерной городской политики [Gandi 2014]. Нихиль Ананд показывает, как гражданство в Мумбаи складывается в практиках, связанных с управлением водными ресурсами и инфраструктурой [Anand 2017].

Для изучения слухов о катастрофе в Тулуне и выделения когнитивных моделей ее объяснения мы прибегли к последовательному невключенному наблюдению за коммуникацией в социальных медиа, прежде всего, городских пабликах в социальной сети «Вконтакте». «Вконтакте» насчитывается свыше 550 групп, посвященных жизни в Тулуне, но среди них превалируют страницы, посвященные объявлениям или знакомствам, и микрогруппы сообществ с общими интересами (например, школьные группы, группы спортсменов и т. п.). Однако есть и несколько популярных групп, в которых активно обсуждается городская повестка: «Подслушано Тулун», «Администрация Тулуна информирует», «Тулун. Life», «Новости Тулуна», «Мой Тулун», «Типичный Тулун», «Тулун и Тулунский район», «Тулун неофициальный» и др. Исследование проводилось в тех группах, которые имеют не менее 1 тысячи подписчиков, посвящены актуальной повестке города, и в которых ведется активное обсуждение этой повестки.

Разумеется, полученные данные не отражают всех особенностей коммуникативного поля — для того, чтобы получить эту информацию, необходимо было бы провести длительное включенное наблюдение в городе. Вместе с тем, именно этот метод дает возможность проследить распространение разных локальных версий слуха. Например, только в одном паблике «Вконтакте» («Подслушано Тулун») на момент создания статьи (февраль 2020 года) примерно 24 тысячи подписчиков, в том числе 6,4 тысячи указывают в качестве места проживания Тулун; в группе «Администрация Тулуна

информирует» жителей Тулуна 3,6 тысячи из 10,4 тысячи подписчиков; иными словами, не меньше 1/8 жителей Тулуна следили за информацией, распространявшейся через эту социальную сеть.

Первая волна наводнения официально отсчитывается с 25 июня 2019 года, однако сообщения о том, что вода поднимается, начались существенно раньше этой даты. Как будет показано ниже, паводок — привычное явление для тулунцев, которые поэтому отслеживают и обсуждают такие сообщения задолго до того, как вода подходит к критической отметке. Эта волна завершилась 2 июля 2019 года, в городе стартовали восстановительные работы, но затем с 27 июля по 4 августа 2019 прошла вторая волна наводнения. Последующие меры по компенсации ущерба, постройке новых домов для пострадавших семей, реорганизация социальной инфраструктуры продолжались вплоть до 2020 года. Поэтому в ходе исследования анализировались тексты и комментарии, размещенные в соцсети в период с мая 2019 по март 2020 года.

Археология слухов

В начале наводнения СМИ, городская и областная администрация выдвинули официальное объяснение произошедшего: было сообщено, что резкое повышение уровня воды в реках, окружающих Тулун, связано с сильными дождями, прошедшими в Иркутской области [Город Тулун 2019]. Однако это объяснение не вызвало доверия у пользователей, и они начали поиск альтернативного варианта.

Самым распространенным способом объяснить катастрофы стало представление о том, что дожди оказали настолько значимое воздействие на уровень воды из-за состояния защитной дамбы.

> СМИ говорят,что катастрофа из за дождей. Люди пишут ,под такими новостям,что это ложь последствия воровства и разрушения дамбы, которая не ремонтируется (2 июля 2019)[4].

> Там дамба то была одно названия, вода бы все равно через нее прошла. Просто навозили кучу земли и гордо дамбой назвали (2 июля 2019)[5].

Эта дамба была построена в 2007–2008 годы в качестве ответа на наводнение 2006 года и стала главным объектом городской экологической политики начала XXI века. Как отмечает Мэтью Ганди в работе о роли рек в городе, «инфраструктура [контроля над реками] является неотъемлемой частью более широкого процесса рационализации, формирования государства и возникновения ‘технонауки’» [Gandy 2017: 3]. Дамба, по мнению Ганди — частное проявление проекта модерна. Именно эта модерность была тем фактором элиминирования угрозы, к которому апеллировали власти и жители до наводнения. Тексты о низком качестве постройки дамбы и недостаточности усилий городской власти для поддержания ее в рабочем состоянии — это не только обвинения в коррупции, но и проявление страха несостоятельности проекта модерна по контролю стихии. Накануне первого пика паводка пользователи «Вконтакте», желая привлечь внимание к происходящему, пишут именно о том, что дамба не сможет сдержать наводнение:

[4] https://vk.com/wall-75510591_576832

[5] https://vk.com/wall-75510591_576832?reply=576877

> Кто там у нас занимается дороги отсыпают и все такое, кто дамбу делал?
>
> МОЖЕТ ПОРА УКРЕПИТЬ ДАМБУ ВЫШЕ ШИРЕ НАЧАТЬ ДЕЛАТЬ ПОКА НЕ ПОЗДНО??? (27 июня 2019)[6]
>
> Со стороны гидролизного, возле моста очень низкий уровень дамбы. Когда её ложили недосыпали гравий, и продавали тут же не стесняясь! А теперь делайте вывод про нашу администрацию !!!!!!! Осталось пару метров и вода выйдет с берегов! На этом самом месте!!! (27 июня 2019)[7].

Следующая версия связана с ведением горнодобывающих работ в Саянах. В этих текстах предполагается, что разработки спровоцировали таяние ледника, в результате чего и поднялся уровень воды в реке.

> Да говорят что он золото копал и по какой-то не осторожностью задел ледник в Саянах, вод и паводок пошел (26 июня 2019)[8].

Затем, выдвигаются версии, связанные с управлением водными ресурсами. В одной ледник взрывают, чтобы наполнить Братское водохранилище («В Саянах сошел ледник, там что-то в Саянах взрывали, чтобы наполнить водохранилище» [Бакин 2019, 1 июля]), но эта в целом рядовая стратегия привела к катастрофе из-за непредвиденного сочетания с природными факторами («Чтобы наполнить Братское водохранилище, но не учли, что сначала была жара, потом дожди. В жару ледник подтаял, дождь добавил, ну и немного прибавил уровень воды», 2 июня 2019[9]). Согласно другой, был проведен внеплановый спуск того же водохранилища:

> Во всем виновата ГЭС стоящая выше по реке, на ней не держали компенсационный уровень в Байкале! Им деваться некуда было, чтобы уровень в Байкале не перевалил критическую отметку, воду просто обрушили на Вас! (26 июля 2019)[10].

Наконец, четвертая распространенная версия о «человеческом факторе» бедствия связана с тушением пожаров в лесах Иркутской области. В таких текстах предполагается, что технология тушения лесных пожаров при помощи искусственного дождя вызвала дисбаланс распределения водных ресурсов:

> Вроде бы это хотели тушить пожары посредством прикрытия облаков серебром чтобы пошел дождь , но ветер унес эти облака в горы и дожди были интенсивными и продолжительными вот вам и последствия. (информация не точная , но так говорят) (2 июля 2019)[11].
>
> Мчс (или кто там из них) хотели потушить лесные пожары. И для этого использовали химию (что там точно - никто не знает). Но переборщили. В результате сошел ледник в саянах. В резульиате вода поднялась на 14 метров. Вот и все. (3 июля 2019)[12].

Главная особенность объяснительных моделей тулунского кейса заключается в помещении пострадавшего города в более широкий контекст, включающий в себя достаточно удаленные объекты. Поиск причин катастрофы приводит к Братской ГЭС (примерно 200 км к северо-востоку от Тулуна)

[6] https://vk.com/wall-75510591_568184
[7] https://vk.com/p_tulun?w=wall-75510591_568225
[8] https://vk.com/wall-75510591_587461?reply=587552
[9] https://vk.com/wall-75510591_576832?reply=576930&thread=576843
[10] https://vk.com/wall-75510591_587603
[11] https://vk.com/wall-75510591_576832?reply=576843
[12] https://vk.com/wall-75510591_576832?reply=577293&thread=577054

или месторождениям Восточного Саяна (около 300 км к юго-западу) — то есть к крайним точкам русла реки Ия, которая берет начало в Саянах и впадает в Братское водохранилище. Именно река связывает город с довольно крупной территорией области как физически, так и на дискурсивном уровне. Границы города, тем самым, размываются — не только за счет подступающей к нему застройки, но и за счет его включенности в контекст бассейна Ии.

Основываясь на работе Дилипа да Куньи о культурном конструировании рек [da Cunha 2019], можно сказать, что контролируемое и четкое понимание реки как «линии» (связывающей в нашем случае три точки — сам город и две точки, из которых исходит угроза) оказывается в период кризиса важнее для жителей Тулуна, чем размытое понятие «влажности» (wetness), складывающееся из бассейна рек, грунтовых и дождевых вод. Непосредственное переживание катастрофы заставляет людей максимально конкретизировать угрозу — а лучше, как мы увидим ниже, ее каким-то образом персонализировать.

Поэтому официальная версия о сугубо природной катастрофе не устраивает пользователей соцсетей. Они ищут человеческий фактор, вернее, фактор человеческой выгоды — будь то небрежность, коррупция, отсутствие работ по поддержанию дамб в рабочем состоянии, переполнение водохранилищ для избыточной выработки электроэнергии, проведение горнодобывающих работ, разрушение экосистемы путем вырубки лесов.

> Единственная правда из всех вбросов, это то что много леса вырублено в водоохранной зоне, был бы лес, уровень воды был бы меньше (3 июля 2019)[13].

> Вся экосистема нарушена. Годами активно все уничтожалось. Оно так и должно было закончиться. Точнее, так дальше и будет (2 июля 2019)[14].

Слухи о внешнем акторе, который ведет вредоносную деятельность в собственных корыстных целях — явление более чем распространенное, причем не обязательно связанное с ситуацией катастрофы (см. [Campion-Vincent, Renard 1992, Дубин 2001, Архипова, Кирзюк 2019, Рогозин 2016: 17]). Однако в «тулунских» текстах есть своя специфика: этот внешний враг действует не сам по себе. Можно было бы, например, ожидать появления версии о террористической атаке на дамбу, но она так и не возникла. Сюжет о диверсии, воплощенный в тексте «мб госдеп диверсию устроил? Люди говорят что видели американцев на плотине а потом взрыв» (28 июля 2019)[15], встретился всего единожды и, в отличие от других версий, не был позитивно воспринят другими пользователями соцмедиа. В «тулунских» слухах вредоносный агент почти никогда не называется конкретно (его обозначают неопределенным «они», глаголом в третьем лице — «хотели тушить», или даже пассивным залогом — «леса вырубались», «все уничтожалось») и причиняет ущерб по неосторожности, запуская какую-то неконтролируемую реакцию природы: «дибилы леса повырубали [, н]арушив этим экологию и теперь пол тулуна плавает» (30 июля 2019)[16].

Впрочем, спустя довольно много времени после наводнения возникают и относительно редкие конспирологические тексты о том, что и сама катастрофа, и мероприятия по работе с ее последствиями — это часть единого плана.

[13] https://vk.com/wall-75510591_576832?reply=577067&thread=576963
[14] https://vk.com/wall-75510591_576832?reply=576855&thread=576843
[15] https://vk.com/wall-131502986_12644?reply=12701&thread=12667
[16] https://vk.com/wall-131502986_6221?reply=6272&thread=6228

> Такое ощущение, что это целенаправленное освобождение территории. По другому это назвать сложно (7 августа 2019)[17].

> 100% не просто так дали сертификаты. Скорей всего опять затопят (вроде как в саянах разрабатывают добычу) (26 января 2020)[18].

Схожие представления о «вредоносных элитах» Вероник Кампион-Венсан фиксирует в исследовании слухов о наводнении на Сомме в 2001 году. В них утверждалось, что бедствие в городе Абвиле случилось из-за того, что правительство отвело воды Сены в Сомму, чтобы защитить от наводнения столицу (куда как раз должен был приехать отборочный комитет Олимпийских игр), либо что наводнение было устроено целенаправленно для последующей постройки дороги или дорогого жилья [Campion-Vincent 2005: 115]. Однако «тулунские» слухи о вредоносных элитах существенно отличаются от «соммских» уровнем активности: если в Абвиле они стали наиболее популярным способом объяснить происходящее и в итоге привели к политическим протестам, то в Тулуне они были мало востребованы. Вполне вероятно, что причина этого различия — в самом характере рек: равнинная Сомма гораздо более предсказуема, чем горная в большей части своего течения Ия, вероятность наводнений на Сомме ниже, и, соответственно, его труднее объяснить природными факторами. Несмотря на общее между Тулуном и Абвилем недоверие к властям, оно привело к формированию принципиально разных слухов о человеческом факторе катастрофы.

Складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, у жителей города и сочувствующих им есть запрос на максимально конкретное объяснение произошедшего, связанное с человеческим фактором и максимально четкой локальной привязкой (состояние дамбы, горнодобывающие работы, вырубка лесов или тушение пожаров в области, спуск водохранилища ГЭС). Иными словами, это запрос на контроль. Предлагая такие версии, люди показывают: «если мы знаем, кто именно и где конкретно осуществляет потенциально опасные действия, мы сможем в будущем это предотвратить». С другой стороны, они помещают этот человеческий фактор в более широкий контекст взаимодействия с не-человеческими акторами, не имеющими четких географических границ. В наиболее востребованных сюжетах слухов о тулунском наводнении наряду с людьми и их стратегиями управления водными ресурсами действуют леса, лесные пожары, ледники, дождевые облака, воды Ии и впадающих в нее ручьев. Мало того, что расплывается идея возможности локализации угрозы — в текстах пользователей попытки человеческого контроля над природными явлениями оборачиваются печальными последствиями. Исследуя вернакулярный дискурс о землетрясении в Лос-Анджелесе 1971 года, Дэвид Андерсен отмечает схожую объяснительную модель: «Более распространенным, однако, оказалось представление о том, что мы навлекли на себя землетрясение, легкомысленно экспериментируя с тонкими природными балансами. Готовность людей взять на себя вину, особенно в первые дни после землетрясения, была самой удивительной формой реакции» [Andersen 1974: 336].

Сочетание запроса на контроль и представления о системности взаимодействия человеческих и нечеловеческих акторов приводит к тому, что в

[17] https://vk.com/wall-75510591_593444?reply=593453&thread=593449
[18] https://vk.com/wall-172143378_4639?reply=4649&thread=4644

обсуждениях катастрофы «природа» метафорически антропоморфизируется, приобретая качества собственной агентности: способность говорить, мстить, использовать воду в качестве инструмента.

> Если мы и дальше так будем относиться к окружающей среде, она нам будет мстить подобными катаклизмами (2 июля 2019)[19].

> ... творит человек, а только потом уже за это природа с ним так (29 июля 2019)[20].

По мере снижения непосредственного риска затопления представление о реке как проводнике антропогенной угрозы начинает сочетаться с идеей wetness: размытости границы между «городом» и «водой» и, соответственно, опасности от воды, уже находящейся в городе.

Прежде всего, возникают страхи, связанные с «невидимой угрозой»: с состоянием воды в системе водоснабжения. Несмотря на то, что коммуникации обеззараживаются и вода объявляется пригодной сначала для технического использования, а потом и для питья, возникают эпидемиологические слухи и слухи о том, что город будет закрыт на въезд или выезд (об аналогичных страхах перед невидимым вредоносным агентом см. напр. [Радченко 2011: 173]):

> Говорят что из города нельзя уехать если не сделал прививку/вакцину. Это правда или просто слухи? (6 июля 2019)[21]

Затем актуализируется страх перед возможностью нового наводнения. В соцмедиа участники дискуссии предполагают, что следующий паводок будет еще разрушительнее предыдущего:

> весной не знаю но обещали что плюс 4м к тому что было нынче то есть до 18м будет (19 января 2020)[22]

> что делать жителям домов, которые признают восстанавливаемыми. Делать капремонт и ждать новое наводнение? (16 июля 2019)[23]

При этом вода не только заливает сверху — она еще и просачивается снизу: «У нас в районе манутской горы тоже болото топит, за 40 лет такого не было» (21 января 2020)[24]. Зимой, во время затопления нескольких улиц, расположенных вдоль ручья Тулунчик, ситуация вновь обсуждается с двух позиций: как следствие человеческих действий (спуска в ручей канализации) и просачивания избыточных грунтовых вод:

> [Жен.1]: вообще-то рядом с колонной стоит КНС ко<т>орая и течет в Тулунчик, если вы этого не знали, то не спорьте.
> [Жен. 2]: Это идет грунтовая вода. Тулунчик в районе города перемерзает и вода идет верхом. Ни каких сбросов из КНС воды в этом районе нет. Старая система уже года два-три как закрыта и отключена от систем (22 января 2020)[25].

Затем в обсуждениях начинают появляться версии о том, что часть города, пострадавшая от наводнения, будет полностью снесена, что повлечет за

[19] https://vk.com/wall-75510591_576832?reply=576868
[20] https://vk.com/wall-131502986_14025?reply=14090&thread=14082
[21] https://vk.com/wall-75510591_579928
[22] https://vk.com/wall-75510591_628496?reply=628524&thread=628520
[23] https://vk.com/wall-131502986_10926
[24] https://vk.com/wall-75510591_628496?reply=628638
[25] https://vk.com/tulunadm?w=wall-131502986_24805

собой перенос социально значимых объектов — таких как поликлиники, школы, учреждения соцзащиты — и маршрутов и так немногочисленного в городе общественного транспорта, создаст пустыри посреди города. Вода в этих текстах пронизывает и меняет уже всю структуру города, а не только ту его часть, которая подверглась затоплению.

> Образовалась теперь такая дилемма: есть неофициальные ответы от сотрудников администрации, что район ЛДК весь под снос пойдет. Чьи то улицы уже целиком списали комиссии (8 июля 2019)[26].

> Прикольно. Подтопленные участки застраиваться не будут. По среди города поле (болото) вряд ли все завалы прям под чистую разгребут и цветочки посеять. Город разделиться на две половины Тулун 1 (от вокзала до центра) Тулун2 (16 июля 2019)[27].

Иными словами, уже прошедшее наводнение не уходит совсем: оно остается в виде сырости в подвалах домов, грибке на стенах, а также в дискурсивном пространстве — в форме «невидимой угрозы»: страха перед эпидемией и разрушением города.

Заключение: жизнь на воде

Тулун существует как раз в тех условиях, о которых пишет Дилип да Кунья: ситуации такой близости города и реки, когда граница «воды» и «суши» изменяется во времени, регулярно сдвигается и размывается: река мелеет или выходит из берегов, изменяет береговую линию, вплывает в дома. На памяти большинства сегодняшних тулунчан — опыт не меньше двух наводнений. Именно этот опыт взаимодействия с водой влияет на продуцируемые тексты о том, что некоторые жители, получившие компенсацию за утраченное жилье в наводнение 2006 года, предпочли на него приобрести новое под аренду, а самим оставаться жить в зоне затопления, рискуя вновь утратить свой дом.

> спросите у людей постарше, а особенно у тех кто строитель, как возводили целые улицы для пострадавших, а они продавали или детям отдавали, и не переезжали в безопасные районы (9 ноября 2019)[28].

В этих текстах отражается не только рациональное экономическое поведение, но и модель «жизни на воде» [Bowles et al 2019] в том смысле, который в него вкладывает Тим Ингольд [Ingold 2000]: взаимодействие со средой, укорененное в конкретных обстоятельствах, ее практическое (а не когнитивное) знание. Жители затапливаемых территорий вырабатывают практики взаимодействия с водой — как кризисные, так и повседневные, и готовы мириться с ее присутствием в их жизни, особенно если жизнь на этой территории влечет какие-то выгоды или, по крайней мере, не ведет к существенным рискам.

> мы живем далеко от реки и вообще в поселке и тоже и в подполье вода и гряды залиты. Но спокойно реагируем. С природой не поспоришь (27 июля 2019)[29].

Именно это знание, связанное с опытом предыдущих паводков, стало бесполезным перед лицом беспрецедентного наводнения. В интервью прессе

[26] https://vk.com/wall-75510591_580857
[27] https://vk.com/wall-131502986_10926?reply=11025
[28] https://vk.com/wall-75510591_615727?reply=615884
[29] https://vk.com/wall-131502986_12358?reply=12443&thread=12441

местные жители утверждали, что задерживались с эвакуацией именно потому, что на их памяти вода никогда не доходила до такого уровня [Ад кромешный 2019, 3 июля]. Действительно, запоздали не только официальные предупреждения о паводке, но и волна первой реакции: еще 18 июня жители уверенно писали в соцмедиа о том, что наводнения не будет — а позже с той же уверенностью распространяли информацию о том, что слухи о второй волне наводнения несостоятельны.

> Дожди холодные и не такие длительные, наводнения точно не будет. В 2006 году дожди шли длительные и теплые, поэтому в Саянах резко растаял снег и льды (18 июня 2019)[30].

Такое переживание бедствия через предыдущий опыт встречается довольно часто. Основываясь на концепции культурной биографии вещей Арджуна Аппадураи и Игоря Копытоффа [Appadurai, Kopytoff 1988], Теодор Бестор предлагает рассматривать катастрофу как «культурное событие», включающее набор ожидаемых и возможных происшествий, образов, решений, моделей для переживания, осмысления и воспоминания о трагедии [Bestor 2013: 769]. Мы можем предположить, что, если этот набор не соответствует образам актуальной катастрофы, предупреждения не срабатывают.

Тревогу (а с ней — и слухи) после наводнения 2019 года вызвал не просто ущерб, а беспрецедентность повышения уровня воды, нарушившая устоявшийся предел колебаний границы между водой и сушей, а с ним — предыдущий опыт выживания в паводок. Участники дискуссий о катастрофе в соцмедиа винят в произошедшем сначала людей, не уделивших (по тем или иным причинам) достаточно внимания защитным мерам, а потом — людей, неосмотрительно или намеренно запустивших неконтролируемую «природную» активность. Тулун оказывается частью пористой структуры с размытыми границами между «водой» и «сушей», «урбанностью» и «природностью» [Ballestero 2019], активностью человеческих и не-человеческих акторов.

По сути, слухи периода наводнения говорят о том, что в отношениях между элементами этой проницаемой структуры существует некоторый баланс. Нарушение этого баланса людьми (избыточное вторжение человека в нечеловеческую жизнь в виде горнодобывающих работ или вырубки лесов) ведет к ответному нарушению баланса нечеловеческими акторами — в данном случае, заливающей город водой. В представлении людей катастрофа всегда является плодом воздействия людей на систему, занимающую довольно большую территорию — от Саян до Братского водохранилища и Байкала. Именно поэтому попытки определить наводнение как сугубо природный катаклизм не вызывают доверия: в объяснительной модели обязательно должно быть место человеческому агенту и его активному контрагенту — реке. Результатом этого недоверия и становятся слухи, в которых жители Тулуна актуализируют свой запрос на контроль над ситуацией.

[30] https://vk.com/wall-75510591_566360?reply=566394

Литература

«Ад кромешный!» Кого винят в небывалом наводнении, накрывшем Сибирь (2019, 3 июля). *РИА Новости*. Режим доступа: https://ria.ru/20190703/1556136518.html

Архипова, А. С., Кирзюк, А. А. (2019). *Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР* М.: НЛО.

Бакин, И. (2019, 1 июля). Хотелось подойти и плюнуть мэру в лицо. *Знак*. Режим доступа: https://www.znak.com/2019-07-01/zhiteli_irkutskoy_oblasti_zayavili_chto_vlasti_i_mchs_ne_preduprezhdali_ih_o_navodnenii

Город Тулун под Иркутском начали эвакуировать из-за паводка (2019, 28 июня). *Известия*. Режим доступа: https://iz.ru/893934/2019-06-28/gorod-tulun-pod-irkutskom-nachali-evakuirovat-iz-za-pavodka

Громов, Д. В. (2012). Пожары 2010 года в фольклорном осмыслении. В В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова (Сост.). *Славянская традиционная культура и современный мир, 15: Стратегии и практики полевых исследований*, 286–311. М.: ГРЦРФ.

Дубин, Б. В. (2001). Речь, слух, рассказ: трансформация устного в современной культуре. В Б. В. Дубин. *Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры,* 70–81. М.: НЛО.

Радченко, Д. А. (2011). «Ходят страшные слухи…»: способы взаимодействия с информацией в сетевой коммуникации. *Традиционная культура*, *2011*(1), 169–179.

Рогозин, Д. (2016). Дискурсивные штреки и квершлаги Бурибая: социология слухов. *Телескоп, 2016*(4), 15–21.

Anand, N. (2017). *Hydraulic city. Water and the infrastructures of citizenship in Mumbai.* Durham, London: Duke University Press.

Andersen, D. M. (1974). The Los Angeles earthquake and the folklore of disaster. *Western Folklore*, *33*(4), 331–336.

Appadurai, A., Kopytoff, I. (Eds.). (1988). *The social life of things: Commodities in cultural perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ballestero, A. (2016). Spongy aquifers. *Limn, 7: Public Infrastructures/Infrastructural Publics.* Retrieved from http://limn.it/spongy-aquifers-messy-publics/

Bestor, T. C. (2013). Disasters, natural and unnatural: Reflections on March 11, 2011, and its aftermath. *The Journal of Asian Studies, 72*(4), 763–782.

Bowles, B., Kaaristo, M., Caf, M. (2019). Dwelling on and with water — materialities, (im)mobilities and meanings: Introduction to the special issue. *Anthropological Notebooks, 25*(2), 5–12.

Bruns, A., Burgess, J. (2014). Crisis communication in natural disasters: The Queensland floods and Christchurch earthquakes. In A. Bruns, M. Mahrt, K. Weller, J. Burgess, C. Puschmann (Eds.). *Twitter and society [Digital Formations, 89],* 373–384. New York: Peter Lang Publishing.

Campion-Vincent, V., Renard, J.-B. (1992). *Legendes urbaines: Rumeurs d'aujourd'hui.* Paris: Payot.

Campion-Vincent, V. (2005). *From evil others to evil elites. A dominant pattern in conspiracy theories today*. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/320689812_From_Evil_Others_to_Evil_Elites_A_Dominant_Pattern_in_Conspiracy_Theories_Today

Da Cunha, D. (2019). *The invention of rivers: Alexander's eye and Ganga's descent.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Descola, P. (2014). Modes of being and forms of predication. *HAU: Journal of Ethnographic Theory, 4*(1), 271–280.

Dufty, N. (2012). Using social media to build community disaster resilience. *Australian Journal of Emergency Management, 27*(1), 40–45.

Gandy, M. (2014). *The fabric of space: Water, modernity, and the urban imagination*. Cambridge: The MIT Press.

Hastrup, K., Hastrup, F. (Eds.). (2015). *Waterworlds: Anthropology in fluid environments.* New York: Berghahn.

Helmreich, S. (2011). Nature/culture/seawater. *American Anthropologist, 113*(1), 132–144.

Hughes, A., Palen, L., Sutton, J., Liu, S., Vieweg, S. (2008). Site-seeing in disaster: An examination of on-line social convergence. In F. Fiedrich, B. van de Walle (Eds.). *Proceedings of the 5th International Conference on Information Systems for Crisis Response and Management, May 4–7, 2008*, 324–333. Washington: ISCRAM.

Ingold, T. (2000). *The perception of the environment: Essays in livelihood, dwelling and skill*. London: Routledge.

Kichigina, N. (2020). Geographical analysis of river flood hazard in Siberia, international journal of river basin management. *International Journal of River Basin Management, 18*(2), 1–27.

Kim, T. (2014). Observation on copying and pasting behavior during the Tohoku earthquake: Retweet pattern changes. *International Journal of Information Management, 34*(4), 546–555.

Kimmel, A. J., Keefer, R. (1991). Psychological correlates of the transmission and acceptance of rumors about AIDS1. *Journal of Applied Social Psychology, 21*(19), 1608–1628.

Linton, J., Budds, J. (2014). The hydrosocial cycle: Defining and mobilizing a relational-dialectical approach to water. *Geoforum*, *57*, 170–180.

Liu, S. B., Palen, L., Sutton, J., Hughes, A. L., Vieweg, S. (2008). In search of the bigger picture: The emergent role of on-line photo sharing in times of disaster. In F. Fiedrich, B. van de Walle (Eds.). *Proceedings of the 5th International Conference on Information Systems for Crisis Response and Management, May 4–7, 2008*, 140–149. Washington: ISCRAM.

Lyons, K. (2018). Rivers have memory: The (im)possibility of floods and histories of urban de-and-reconstruction in the Andean-Amazonian foothills. *City and Society, 30*(3), 1–15.

Rosnow, R. L. (1991). Inside rumor: A personal journey. *American Psychologist, 46*(5), 484–496.

Sutton, J. N. (2010). Twittering Tennessee: Distributed networks and collaboration following a technological disaster. In S. French, B. Tomaszewski, C. Zobel (Eds.). *Proceedings of the 7th International ISCRAM Conference*, 1–10. Seattle, Washington: ISCRAM.

Zhao, L., Yin, J., Song, Y. (2016). An exploration of rumor combating behavior on social media in the context of social crises. *Computers in Human Behavior, 58*, 25–36.

References

Anand, N. (2017). *Hydraulic city. Water and the infrastructures of citizenship in Mumbai.* Durham, London: Duke University Press.

Andersen, D. M. (1974). The Los Angeles earthquake and the folklore of disaster. *Western Folklore*, *33*(4), 331–336.

Appadurai, A., Kopytoff, I. (Eds.). (1988). *The social life of things: Commodities in cultural perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

Arkhipova, A., Kirzyuk, A. (2019). *Dangerous Soviet things.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Bakin, I. (2019, July 1). I wanted to come up and spit in the mayor's face. *Znak.* Retrieved from https://www.znak.com/2019-07-01/zhiteli_irkutskoy_oblasti_zayavili_chto_vlasti_i_mchs_ne_preduprezhdali_ih_o_navodnenii (In Russian).

Ballestero, A. (2016). Spongy aquifers. *Limn, 7: Public Infrastructures/Infrastructural Publics.* Retrieved from http://limn.it/spongy-aquifers-messy-publics/

Bestor, T. C. (2013). Disasters, natural and unnatural: Reflections on March 11, 2011, and its aftermath. *The Journal of Asian Studies, 72*(4), 763–782.

"Bloody hell!" Who is blamed for the previously unseen flood in Siberia (2019, July 3). *RIA Novosti.* Retrieved from https://ria.ru/20190703/1556136518.html (In Russian).

Bowles, B., Kaaristo, M., Caf, M. (2019). Dwelling on and with water — materialities, (im)mobilities and meanings: Introduction to the special issue. *Anthropological Notebooks, 25*(2), 5–12.

Bruns, A., Burgess, J. (2014). Crisis communication in natural disasters: The Queensland floods and Christchurch earthquakes. In A. Bruns, M. Mahrt, K. Weller, J. Burgess, C. Puschmann (Eds.). *Twitter and society [Digital Formations, 89]*, 373–384. New York: Peter Lang Publishing.

Campion-Vincent, V., Renard, J.-B. (1992). *Legendes urbaines: Rumeurs d'aujourd'hui.* Paris: Payot.

Campion-Vincent, V. (2005). *From evil others to evil elites. A dominant pattern in conspiracy theories today*. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/320689812_From_Evil_Others_to_Evil_Elites_A_Dominant_Pattern_in_Conspiracy_Theories_Today

Da Cunha, D. (2019). *The invention of rivers: Alexander's eye and Ganga's descent.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Descola, P. (2014). Modes of being and forms of predication. *HAU: Journal of Ethnographic Theory, 4*(1), 271–280.

Dubin, B. (2001). Speech, hearing, tale: Transformation of oral in modern culture. In B. Dubin. *Word — writing — literature: Essays on sociology of modern culture,* 70–81. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Dufty, N. (2012). Using social media to build community disaster resilience. *Australian Journal of Emergency Management, 27*(1), 40–45.

Gandy, M. (2014). *The fabric of space: Water, modernity, and the urban imagination.* Cambridge: The MIT Press.

Gromov, D. (2012). The fires of 2010 in folklore perception. In V. Dobrovolskaya, A. Ippolitova (Eds.). *Traditional Slavic culture and modern world, 15: Strategies and practices of field research,* 286–311. Moscow: GRTsRF. (In Russian).

Hastrup, K., Hastrup, F. (Eds.). (2015). *Waterworlds: Anthropology in fluid environments.* New York: Berghahn.

Helmreich, S. (2011). Nature/culture/seawater. *American Anthropologist, 113*(1), 132–144.

Hughes, A., Palen, L., Sutton, J., Liu, S., Vieweg, S. (2008). Site-seeing in disaster: An examination of on-line social convergence. In F. Fiedrich, B. van de Walle (Eds.). *Proceedings of the 5th International Conference on Information Systems for Crisis Response and Management, May 4–7, 2008*, 324–333. Washington: ISCRAM.

Ingold, T. (2000). *The perception of the environment: Essays in livelihood, dwelling and skill*. London: Routledge.

Kichigina, N. (2020). Geographical analysis of river flood hazard in Siberia, international journal of river basin management. *International Journal of River Basin Management, 18*(2), 1–27.

Kim, T. (2014). Observation on copying and pasting behavior during the Tohoku earthquake: Retweet pattern changes. *International Journal of Information Management, 34*(4), 546–555.

Kimmel, A. J., Keefer, R. (1991). Psychological correlates of the transmission and acceptance of rumors about AIDS1. *Journal of Applied Social Psychology, 21*(19), 1608–1628.

Linton, J., Budds, J. (2014). The hydrosocial cycle: Defining and mobilizing a relational-dialectical approach to water. *Geoforum*, *57*, 170–180.

Liu, S. B., Palen, L., Sutton, J., Hughes, A. L., Vieweg, S. (2008). In search of the bigger picture: The emergent role of on-line photo sharing in times of disaster. In F. Fiedrich, B. van de Walle (Eds.). *Proceedings of the 5th International Conference on Information Systems for Crisis Response and Management, May 4–7, 2008*, 140–149. Washington: ISCRAM.

Lyons, K. (2018). Rivers have memory: The (im)possibility of floods and histories of urban de-and-reconstruction in the Andean-Amazonian foothills. *City and Society, 30*(3), 1–15.

Radchenko, D. (2011). "There are scary rumors…": Methods of interacting with information in online communication. *Traditional Culture, 2011*(1), 169–179. (In Russian).

Rogozin, D. (2016). Discursive galleries and cross-entries of Buribay: Sociology of rumors. *Telescope, 2016*(4), 15–21. (In Russian).

Rosnow, R. L. (1991). Inside rumor: A personal journey. *American Psychologist, 46*(5), 484–496.

Sutton, J. N. (2010). Twittering Tennessee: Distributed networks and collaboration following a technological disaster. In S. French, B. Tomaszewski, C. Zobel (Eds.). *Proceedings of the 7th International ISCRAM Conference*, 1–10. Seattle, Washington: ISCRAM.

The town of Tulun near Irkutsk is being evacuated due to highwater (2019, June 28). *Izvestiya.* Retrieved from https://iz.ru/893934/2019-06-28/gorod-tulun-pod-irkutskom-nachali-evakuirovat-iz-za-pavodka (In Russian).

Zhao, L., Yin, J., Song, Y. (2016). An exploration of rumor combating behavior on social media in the context of social crises. *Computers in Human Behavior, 58*, 25–36.